

Елена Гости́ева

1

Стрекозка Горгона
ДЕТСТВО

16+

Елена Гостева
Стрекозка Горгона. Детство

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Гостева Е.

Стрекозка Горгона. Детство / Е. Гостева — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Первая часть исторического роман о дворянах, офицерах Российской империи. Время действия - первая половина 19 века. Главная героиня, мадемуазель Телятьева Татьяна Андреевна, принадлежит к старинному дворянскому роду, женщин которого соседи считают ведьмами. Она обладает непокорным характером и незаурядными способностями, из-за чего друзья именуют её Медузой Горгоной. На фоне реальных исторических событий, описанных с максимальным приближением к действительности, разворачивается история дворянской семьи, в которой традиционно все мужчины служат в армии. Братья и друзья героини – будущие офицеры, и ей суждено выйти замуж за одного из них. В первой части романа описывается детство героев, их детские приключения.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	14
Часть I	17
Глава 1	17
Глава 2	19
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	25
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пролог

W. Shakespeare, Hamlet

*There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.*

Перевод: Вронченко Михаил

*Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.*

Глава 1

«А ведь я была счастлива... Я была счастливой! Счастливой, как никакая другая женщина...» – эти слова возникли как будто ниоткуда, внезапно, словно озарение, явились ошеломляющим откровением. В самой этой мысли нет ничего удивительного, Татьяна всегда это знала. Но счастье кончилось вместе с жизнью Сергея, и после его гибели весь последний год она жила, как в тумане, в полубреду, не размышляя, не отдавая себе отчёта в том, что делает. Но оно было, её счастье, уже ушедшее, но – было! Серж долго был рядом, он любил её почти до сумасшествия! Слова, прозвучавшие в мозгу, словно пробудили от спячки, разгоняя чёрный дурманский туман, в котором она увязла, словно в коконе, сама не понимая, сколь прочно увязла. Таня с тревогой и удивлением, как человек, проснувшийся в незнакомом месте, забывший, что вчера с ним происходило, озиралась по сторонам. Наткнулась на взгляд, обращенный на неё – скорбный, сочувственный, но и – жёсткий, осуждающий. «Кто сме...?» Приготовилась в ответ бросить дерзкий и презрительный взгляд, но... Сообразила, что перед нею большая икона – Богородица. Таня стояла как раз напротив неё, потому первое, что увидела, опомнившись, высвободившись из тумана – глаза Божьей Матери Казанской. Икона потемнела от времени, но глаза – совсем как живые – смотрели сквозь въевшиеся за века пыль и копоть, как сквозь запотевшее стекло, сострадательно, но твёрдо, спокойно, словно говоря: «Прими и скорбь, как досель принимала счастье».

Понудившись ошибке, женщина стала осматриваться дальше. Осознала, что церковь эта знакома, здесь, под сими закопчёнными сводами она бывала. Вот священник в чёрном одеянии – седой, скорбный, и – Боже мой! – тоже знакомый. «Это ж тот самый, что венчал нас с Сержем! Только постарел...» – Таня обрадовалась ему, как доброму знакомому, узнавание было приятным, но тут же одернула себя: чему радоваться, чему?! Перед аналоем на невысокой скамье стоит тёмно-бордовый гроб, в котором лежит Серж. Тогда было венчание, сейчас – похороны... Гроб закрыт, милого лица не видно: муж убит ещё год назад в Париже, тогда она сама распорядилась не перевозить его в Петербург, потребовала, чтобы дождалась её. Сказала, что либо сама мужа проводит в последний путь, либо пусть потом их вместе отвозят.

Захотелось броситься на колени перед священником, поцеловать его руку, выговориться, чтобы он, выслушав её сочувственно, положил руку на голову и сказал тихо, что отпускает все её грехи... Но – не теперь, не время. А вспомнила самые яркие события из года прошедшего, и подумалось: «Отпустил ли батюшка такие грехи? Наверяд ли епитимьей искупишь...» Месть одобрялась язычеством, а Христос призывает к любви и милости. Любовью и милостью Таня была полна, пока Серж находился рядом, а без него не осталось ни того ни другого. Сейчас сердце её окаменело.

Сколько же лет назад была свадьба? Напряглась, подсчитывая годы. Семнадцать лет они прожили вместе, на восемнадцатом мужа убили. И весь прошедший год для Тани был, словно чёрный кошмарный сон: сначала она просто боролась за свою жизнь, потом жила мечтой о мести, но всё – как будто не наяву, а в бреду, жила, действовала, как одержимая, обезумевшая. Двигалась, о чём-то говорила, спорила, но всё как будто внутри кошмарного сна. Помнила последние слова Сержа: «Береги себя, сохрани детей». Но была, словно машина с туго заведённой пружиной, что согласуясь с механикой, выполняет лишь то, на что её настроили, пока не кончится завод. Хотя нет, не как машина, а уж скорее – словно зверь, волчица, движимая звериной природой, свободной от людских представлений о морали. Волчицей управляют два сильных инстинкта: сохранить род и отомстить врагу, тому, кто убил отца её детей. И ею – овдовевшей – весь прошедший год руководили только эти два чувства. И лишь сейчас ушли куда-то, отпустили...

Вдова пристально всматривалась в окружающих. Вот Ольга Сергеевна, рыдающая на коленях перед гробом. Постарела свекровь, сдала. Она всегда любила всплакнуть по поводу и без повода, но такой, истошно рыдающей, видеть её не доводилось. Погиб сын, её первенец, это горе несравнимо ни с чем.

– Сыночек мой! Вот как тебе пришлось домой вернуться... Сыночек мой милый, Сереженька-а-а! – причитания тягостны, свекровь выла, как все бабы воют по покойнику. Дворянка ли, мещанка, купчиха или крестьянка – все рыдают одинаково, оплакивая сыновей...

Хотя нет, манеры остались при ней. Разве стала бы крестьянка, рыдая, поправлять сбившийся чепец, вытаскивать платочек, чтобы только им – батистовым белоснежным – слёзы вытирать? Впрочем, эти подмеченные движения дрожащих рук свекрови не вызвали в Татьяне никаких чувств – лишь констатация факта, новая мысль, которая никоим образом не взволновала. Как всё это бессмысленно! Равнодушно смотрела, как свекровь обливается слезами, как обернулась на склонивших головы людей, стоящих у неё за спиной. Подумала: «Осунулась сильно Ольга Сергеевна, да и расплылась, кажется... Но... ох, уж эти манеры, здесь всё это так нелепо смотрится... Хотя, зачем я так? И сама не забывала к зеркалу подходить: безразлично, как выгляжу, а руки сами причёску поправляют, воротнички укладывают». И эта мысль не вызвала никаких чувств – ни осуждения, ни жалости к себе и к пожилой даме, заложницам светских привычек.

Смотрела на рыдающую свекровь, вспоминала, как все, особенно нянюшка Ариша и братья, увещевали её саму: «Поплачь, легче будет...» Но утешительные слёзы не приходили. За весь год вдова так и не смогла ни разу заплакать – жила в напряжении, сжавшись от горя, от боли, но не плакала. Не получалось. Да и не искала Татьяна успокоения, чудилось, что если будет она душу свою слезами или чем другим облегчать, этим Сергея предаст. А разве можно забывать? Мечь – это другое дело, в мести нет предательства. Отомстить Таня сумела, и это было единственным, что после смерти Сержа принесло ей жестокое удовлетворение.

Вгляделась в свёкра. Он встретил их горестную процессию ещё в Ревеле и уже два дня был рядом, и в церковь вошёл, поддерживая невестку, только здесь локоть Танин отпустил. Но и его вдова видела, как будто впервые. Александр Петрович пытается крепиться, хотя горе и на него давит, вот вслед за женой и он на колени рядом с гробом бухнулся, судорожно глотая воздух...

Свекровь сквозь рыдания обратилась к мужу:

– Сашенька, может, домой его завезём? Как же так: сынок наш и дома не побывает?

Тот не отвечает, лишь мотает головой, непонятно, соглашаясь или нет, плечи его сотрясаются, и тогда свекровь с надеждой посмотрела на невестку, всхлипывая, попросила:

– Танечка, давай завезём домой. Сердце разрывается... Жаль мне Сержа здесь оставлять, пусть бы хоть ночку дома побыл...

А вдова не сразу поняла, что Ольга Сергеевна именно к ней обратилась, сообразив, что надо ответить, с трудом разжала губы:

– Я не знаю... не знаю... Делайте, как хотите. – Речь далась с трудом, звук собственного голоса испугал, она даже слегка пошатнулась. К ней кинулся Николай, кузен, самая надежная её опора в последнее время, взял под локоть, возразил матери покойного:

– Зачем домой, Ольга Сергеевна? Он ведь год в земле пролежал. Когда его из того гроба в новый перекладывали, смотреть страшно было. Лучше уж здесь, в холоде, оставить. Дома дети, зачем их пугать?

А около гроба уже деловито суетятся насупленные, торжественные клирики в чёрном: устанавливают подсвечники, на аналой Псалтырь положили. Всю ночь будут читать заупокойные молитвы... Началось негромкое монотонное бормотание. Седобородый священник подошёл к матери, опустил руку ей на голову, сказал:

– Не переживай, милая, не убивайся... Тело бrenно, а душа вечна, будем надеяться на милость Божью, на то, что раб Божий Сергей принят в Его Царствие. Мы присмотрим за телом. Ничего худого с ним не будет, а душа его и так всех нас видит.

Свёкор тяжело поднялся с колен, взял руку жены, прижавшейся ко гробу:

– Завтра прощание, Оленька, завтра. А сейчас поедem домой. Ты ещё нашего внука Сашеньку не видела. Чудесный малыш, на Серёжу похож. Поедем к внукам, дорогая.

Заплаканная женщина запротестовала:

– Нет, нет, я останусь здесь... Вы поезжайте, а я с Сержем останусь, хоть до утра возле него побуду, помолюсь.

– Ольга Сергеевна, но Татьяна с дороги, устала, кто ей дома поможет? – возразил муж. – Ты хозяйка, должна сама принять. Поедем... А после, вечером, вместе сюда вернёмся.

Свекровь согласилась, позволила мужу вывести себя из церкви. На невестку не посмотрела. На крыльце, оглянувшись на офицеров, тихо спросила:

– Наверное, нам следует их пригласить?

Но Николай (он всегда везде успевает, только в одном не успел – Серёжу от смерти не спас) возразил:

– Не волнуйтесь, Ольга Сергеевна, господ офицеров я к себе приглашаю. У вас и так хлопот полно. Таня, я карету с Сашенькой в дом Лапиных направил, и ты туда поезжай. Юрик, подай Татьяне руку.

Морской офицер (ах да, это же Юрик – Георгий Александрович, её деверь!) повернулся, козырнул:

– Татьяна Андреевна, Таня, здравствуйте! Позвольте руку?

Она попыталась улыбнуться в ответ:

– Юрик, ну для тебя-то я разве – Татьяна Андреевна? Зачем ты так? Здравствуй!

Обвела взглядом других офицеров. Немногие успели подъехать, зато – самые близкие, родные, товарищи мужа, общие их друзья...

– Здравствуйте, господа. Спасибо, что встретили. Спасибо большое... Но я устала, после поговорим, хорошо? – и улыбнулась. Увидев, как они на неё глядят, поняла, что улыбка не получилась. Ребята, ах, нет, не ребята, а давно уже крепкие солидные мужчины склонили перед ней головы, тоже пытаюсь улыбаться, но и у них улыбки получались кривыми, вымученными. Фёдор, то есть граф Звегливцев, шумно вздохнул, сделал шаг вперёд, возможно, хотел обнять по старинке, как раньше бывало, и чтобы она его в щёчку чмокнула. Таня жестом остановила. – Простите. Не сейчас. Потом, потом поговорим... – И, подав руку деверю, пошла к карете.

Глава 2

Лапины расселись в две кареты, тронулись неспешно. Николай – цыганистого вида высокий мужчина лет 35–40 – вздохнул, провожая их взглядом, повернулся к мрачным и сосредоточенным офицерам.

– Господа, простите, я вас не представил друг другу. Майор, граф Станислав Речнев, поручик Павел Белостежин, они последний год в Париже в нашем доме квартировали. Ну а это... – и он назвал фамилии встречающих, Речнев поклонился и отозвался живо:

– А я всех знаю, господа. Я тоже в кадетском корпусе воспитывался, четырьмя годами позже вышел. Помню, как вас экзаменовали, как вы на Балканы отправлялись. В корпусе мы на вас, старших гренадёров, равнялись, старались походить.

– Разрешите и мне представиться, – вмешался кавалергард с аксельбантом на плече, помолодецки прикладывая два пальца к козырьку кивера. – Поручик Селезнёв, адъютант его высокопревосходительства. Его светлость князь Чернышев просили сообщить, граф, что для Вас найдена квартира. Я к Вашим услугам, готов проводить.

Граф Фёдор Звегливец – богатырь, под стать Илье Муромцу – недовольно хмыкнул, бросил многозначительно-вопросительный взгляд на самого старшего по возрасту – отставного полковника Лужницкого. Похоже, его самолюбие было задето тем, что внимание придворного адъютанта обращено на только что вернувшегося из Парижа графа. Лужницкий в ответ удивленно поднял бровь и слегка покачал головой: мол, что-то это значит, но выводы делать рано.

Опять вмешался Николай:

– Нет, благодарствуем. Граф Речнев остановится у нас, квартира подготовлена.

– Доложу его светлости. Разрешите откланяться. Всего доброго, господа, – и по-молодецки козырнув, прищёлкнув каблуками, кавалергард испарился.

Звегливец хмыкнул и на сей раз не удержался от комментариев:

– Ты, Николай, как я смотрю, успеваешь распорядиться за всех. Хозяином, что ль, стал?

Тот окинул взглядом Фёдора с головы до ног: и мрачным, и печальным был взгляд его чёрных глаз, покачал головой, усмехаясь криво, вполне миролюбиво сказал:

– Не ворчи, Фёдор. Кто сейчас Татьяне поможет, коли не я? Ей самой сейчас ни с чем не управиться, – и, снова усмехнувшись, сказал. – Поехали к нам, поговорим, Сергея помянем. Я ещё от заставы людей отправил домой, всё готово должно быть.

Благодаря высокой медвежьей шапке и полушубку на медвежьем меху Николай казался столь же высоким и плечистым, как и Звегливец, но впечатление это обманчиво – Николай из породы стройных, не широких в кости, но жилистых мужчин. И если уж захотели б сравнить его с богатырем, то разве что с Алешей Поповичем, который брал не столько силой, сколько ловкостью да удалью молодецкой. Он, усмехаясь криво, исподлобья глядел в глаза Фёдора – твёрдо и сумрачно. Граф, перекачнувшись с каблуков на носки и обратно, тоже мрачно усмехнулся, и, вздохнув шумно, сказал:

– Ладно, Целищев, не злись. Прости, если обидел. Встреча наша невесёлой получилась, сам понимаешь. Поедем, конечно. Порасспросить тебя о многом хочу.

Подав Николаю руку, взглянул в его глаза и обнял крепко, по-мужски. Затем пожал руки Речнева и юного Белостежина. Николай столь же крепко пожал руки другим офицерам, Порфирию улыбнулся широко и обнял со словами: «Здравствуй, друг!» Офицеры расселись в сани, ямщики, прищёлкнув вожжами, тронули коней.

Глава 3

После отъезда родных покойного два дьяка, стоя возле закрытого гроба, по очереди читали Псалтырь, а в стороне от них любопытный служка, боязливо оглядываясь, расспрашивал священника:

– Батюшка, это из Парижу покойника-то привезли. На дуэли, чё ль, убитый?

– Не говори глупости, Онуфрий. Разве я стал бы отпевать дуэлянта? Это достойный человек лежит, раб Божий Сергей, сын достойных родителей, из старинного рода дворянского. Прошлой зимой его враги нашего императора в Париже убили.

– А чего ж его сразу-то не привезли тоды? Чего год ожидали?

– Вдова сразу после смерти мужа слегла, при смерти была. Ждали, чем её хворь закончится. А когда на ноги поднялась, зимы ждали, чтоб не по теплу тело брренное перевозить. – И, перекрестившись, прочитав «Упокой, Господи, душу раба Твоего...», священник вздохнул и поделился. – Да... неисповедимы пути Господни... Я же сам их венчал: рабу Божью Татьяну рабу Божьему Сергию. И троих их деток, что в Петербурге на свет появились, тоже аз грешный крестил... Слава Богу за милость Его, за то, что вдове жизнь сохранил, не оставил детишек круглыми сиротами... Дай только Бог, чтобы от уныния она избавилась, чтобы силы душевные для дальнейшей жизни нашлись.

– Ак, по всему видать: богатая барыня. И робятишки не помеха, чтоб снова замуж пойти. Вон как возле неё чернявый крутился, вот и претендент.

– Опять глупости говоришь, Онуфрий. Это брат её, раб Божий Николай. У него своя жена есть, и дети тоже.

– Как же это? Она, сразу видно, дворяночка русская: белая, светлоглазая, а он – цыган цыганом. Бывают разве такие брат с сестрой?

– Двоюродный брат. У них матери – сёстры родные. Старшая вышла замуж за человека своего сословия, а младшая за цыгана.

– Ой, не приведи, Господь! Дворянка, да за цыгана! Чем это он её взял? Небось, на деньги позарился да украл девицу.

– Не думай плохо о людях, раб Божий, грех это. Вышла за цыгана, значит, так Господу угодно. И не на деньги прельстился. Думаю, их у него самого поболее будет, чем у жены. Видал, у нас в церкви иногда цыган появляется весь в золоте: и на пальцах перстней много, и серьга в ухе, и цепь золотая тяжёлая? Ты ещё спрашивал у меня, неужели и цыгане крещёные бывают. Он и есть отец Николая. А у рабы Божьей Татьяны родители умерли, когда она ещё совсем маленькой была, вот тётка, жена цыгана, и воспитывала её вместе со своими детьми.

– Помню того цыгана, помню. Как жо такого не запомнить? Цыгане ж редко в церковь заходят, только на паперти околачиваются, попрошайничают. А если зашли вовнутрь, токо и следи, чтоб не стащили чего. А этот не вороватый, по сторонам мало смотрит. Токо, когда молится, голову низко не склоняет, поклонов земных не бьёт, стоит, ровно кол проглотил.

– В таборе ему да его старшему брату все подчиняются, не привык кланяться...

– Эвон как!.. А Татьяна, раба Божия, стало быть, сама рано осиротела, а сейчас снова сиротой стала – молодая, да без мужа. Господи, помилуй ея грешную. Господи, помилуй!

Глава 4

Татьяна с Лапиными зашла в их дом – давно знакомый, но не ставший для неё родным. Уже год здесь у свекра и свекрови жили трое её старших детей, сегодня сюда привезли младшенького, Сашу. Прошли в гостиную. Сашенька, выспавшийся в дороге, осваивается в новом для него месте, важно и серьёзно посматривает по сторонам, и дочери – Оленька и Алёнка – суется возле него, водят, показывают, рассказывают, перемежая французские слова с русскими... Тут же и семилетний Лёвушка. Он тоже не прочь поиграть с малышом, однако сейчас ревниво наблюдает, как сёстры, всегда баловавшие его, всё внимание на другого переключили... Увидев входящих в гостиную старших, девочки заулыбались. Но, глянув на слишком печальные лица взрослых, посерьёзтели. Однако радость скрыть им не удавалось. Да, похоже, и не понимают они, зачем? Папа погиб целый год назад, они уже отплакали своё, ведь для детей год почти равен вечности. Теперь девочки радовались младшему братишке, счастливы, что мать, наконец-то, вернулась. Лёвушка со счастливым криком кинулся к матери, обхватил за ноги.

– Мамочка! Милая! – затараторили все наперебой. – Наконец-то, ты приехала! Мамочка, мы скучали по тебе сильно-сильно... Как Сашенька на папу похож: прямо копия! Только он почему-то невесёлый совсем, никак его развеселить не можем...

А Сашенька вообще редко улыбался, был неторопливым, задумчивым. «Неулыба ты наш» – звала его няня Ариша.

Таня устало опустилась на первое подвернувшееся кресло, и Лёвушка, сияющий от счастья, тут же забрался к ней на колени. Она обняла его покрепче, кинула взгляд на дочек. Похоже, детям здесь неплохо, приняли они дом лапинский, как свой, и дом их принял. «Хорошо, коли так!» – успела подумать и почувствовала, как всё поплыло перед глазами, стены зашатались, лица стали неотчётливыми, скрылись за туманом...

– Ой-ой-ой! Детоньки милые! Не вешайтесь на маменьку-то все разом! – раздался возглас няни Арины. – У ней ведь здоровьюшко-то не прежнее, сколько болела...

Глава 5

Ариша, милая Ариша, она всегда кидалась на защиту. Она была мамкой, кормилицей, и девочка с самого младенчества знала: мамка её – самая надёжная и верная. Она хорошо помнила случай, когда, ещё будучи совсем маленькой, впервые по-настоящему перепугалась, и то, как Ариша прибежала на помощь. Тогда она, двухлетняя, сбежала от свиты надоевших няnek и выскочила на улицу. Погуляла по саду и зачем-то решила подойти к старой липе, росшей возле решётчатой ограды. Легко протопала по насту, а перед самым деревом снег был рыхлым, и провалилась любопытная исследовательница в сугроб с головой. Побарахталась, поняла, что проваливается всё глубже и глубже, и завопила: «Ариша!» От испуга голос пропал, потому завопила не вслух, а почти шёпотом. Однако через минуту или две увидела над собой кормилицу, что примчалась на зов, примчалась, в чём была, босиком, вытащила малышку из снежного плена и побежала с нею на руках домой, в тепло. Оттерев Таню и только после этого вспомнив, что и у самой ноги заледенели, кормилица схватила с печи тёплые валенки, надела их.

Осмыслив произошедшее, пошла докладывать матери и бабушке непоседы: Анне Павловне и Прасковье Евдокимовне. Рассказ её мог бы удивить женщин из другой семьи, но не из этой. Бабушка, Прасковья Евдокимовна, удовлетворённо кивала, слушая сбивчивый рассказ дворовой крестьянки. «Не пугайся, хорошо это: в нашу породу пошла». Потребовала от Ариши одного: чтоб никому чужому о сих странностях не говорила, а то худо Тане будет. Анна Павловна вздохнула: «Подумать только, а я и не почувяла ничего, никакой тревоги. Видать, Танюша к кормилице больше привязалась, чем ко мне. ... Может, и к лучшему это. Когда приберёт меня Господь, буду знать, что дочка под присмотром...» Эти подробности Таня знала от Ариши, которая не раз, вспоминая Анну Павловну, вздыхала: «Чуяло сердечко у ей, бедной, что оставит она тебя, милую, на меня да на бабушку».

Таня догадывалась, что кормилица втайне даже гордится тем, что в тот раз ещё совсем несмышлёная девочка, попав в беду, вспомнила не о матери, а о ней, крестьянке дворовой. Родных детей у Ариши было семеро, однако о своих она переживала, тревожилась помене, чем о Тане. У них, чай, и родной отец есть, а барышня – круглая сирота. К тому ж и Трофима, мужа её, у Целищевых высоко ставили: он был денщиком Танюшиного деда, с четырнадцати лет во всех походах, на всех войнах Павла Анисимовича сопровождал, стал тому чуть ли не правой рукой. Детей Ариши с Трофимом в именин целищевском никто не смел обижать, у них была обычная для крестьян жизнь, причём сытная, мирная. А Таню – об этом говаривала Прасковья Евдокимовна, да и сама Ариша предчувствовала – ожидала судьба непростая, бурная, может, тяжкая, потому и тряслась над нею кормилица больше, чем над родными.

Таня росла непоседливой егозой, и для того, чтобы уследить за ней, бабушке приходилось держать большую свиту няnek. Кто-то из простодушных дворовых девушек научил малышку игре в прятки, той, какой забавляются почти все маленькие детишки в определённом возрасте: когда ребенок зажмуривается и сообщает всем, что его нет, а взрослые делают вид, что верят, ищут малыша, ходят вокруг, приговаривая: «Где же наше солнышко, куда спряталось?» Малыш, счастливый, раскрывает глазки и сообщает, что он тут. И все довольны. Ничего плохого в игре нет, но только если в неё играет обычный ребёнок. Но Таня-то не была обыкновенной. Если она зажмуривалась и настойчиво повторяла: «Меня нет! Меня нет! Меня нет!» – девушки и взаправду её видеть переставали. Она приоткроет один глазик, другой, удостоверится, что няньки её из виду потеряли, да и пойдёт заниматься тем, что ей более интересно. Няньки с ног сбиваются, но отыскать её мог только тот, кому она ещё не сообщала, что её нет. Иль старший брат Антон, от которого отчего-то девочка никогда не могла таким вот способом скрыться. Мама и бабушка строго выговаривали малышке, что нехорошо няnek обманывать,

однако Таня чувствовала, что они не злятся, ворчат лишь для вида. Бабушка нянек ругала: мол, сами научили ребенка глупой игре, так сами и бегайте. Но после того случая, когда Таня в сугробе застряла, бабушка поговорила с нею уже серьёзно, строго, и девочка, наконец, твердо усвоила, что нянек обманывать нельзя.

Глава 6

Сон вернул Татьяну в детство, ко времени, когда Серж и Николай учили её плавать. Мальчишкам было по 9 лет, ей – 6. Они убедили, что стрекозка (так её называли ребята) должна научиться плавать раньше Сени и Юрика, чтобы те не смели трусить. Тогда, в детстве, мальчишки, поддерживая её с двух сторон, помогали выплыть на глубину и там разом отпускали руки, бросались в сторону. Она, неумело барахтаясь, инстинктивно старалась ухватиться хоть за кого-то из них, ловила то руку, то пятку. Они смеялись, выскальзывая, отплывали, но недалеко, следили, чтобы девочка не захлебнулась; вовремя подхватывали и выталкивали на поверхность, если у неё не получалось. И через три или четыре дня Таня уверенно держалась в воде. А во сне было не так. Она тонула, мальчишки были где-то рядом, но не спешили на помощь. Серж – Таня не видела его, лишь чувствовала – даже отгребал от неё дальше и дальше. Только голос донёсся: «Теперь сама, ты сможешь!» Он и в жизни мог быть непреклонным, а сейчас тем более кричать что-то во след ему было бесполезно...

Проснулась: рядом была Ариша. Она принесла завтрак, хлопотала над платьем. Чем-то была недовольна. Увидев, что хозяйка раскрыла глаза, начала ворчать:

– Вставать пора тебе, милая, хватит болеть-то. Пересилишь себя раз, другой, потом и сама почувешь, что окрепли рученьки-ноженьки. Поднимайся, голубушка, надоть порядки тут наводить. А то я от слуг здешних узнала: нехорошее о тебе свекровка-та бает. Не вмешайся, так ославит на весь свет.

– О чём ты?

– Тебе, голубушка, неприятно, а я всё ж перескажу. Она, вишь ты, думает, что по Парижу-то разбойники не ходят. Её послушать, дак Париж – не город, а рай земной. Не верит, что сына разбойник зарезал. Думает, что в Париже токмо на дуэли дворянин погибнуть может.

– Из-за чего, по её мнению, дуэль?

– Знамо из-за чего – из-за измены! Токо, видать, сумлеваются пока, не знает, кто кому из вас рога наставлял. То в одну сторону думает, то в другую, а как ни крути, во всём тебя винит. Так что разлеживаться тебе никак нельзя, думай, что делать.

Да, новость не просто неприятна, а оскорбительна. И как раз в духе Ольги Сергеевны. Какая-нибудь великосветская дама, в чьей в голове нет ничего, кроме флирта да нарядов, наверное, сболтнула нечто подобное, вот свекровь и начала фантазировать, измышлять всякую всячину. Ариша помогла Тане усесться, подкладывая подушки под спину, пододвинула поднос с завтраком:

– Поешь, голубушка, да поднимайся. Хватит в прошлом-то копать. Что прошло, то прошло, не воротишь. Думать надо, как да с чего жизнь новую начинать.

Есть не хотелось. Сделала усилие, отпила немного молока. Мысль о том, что за чушь городит свекровь, не давала расслабиться, тревожила.

– Очень плохо это, Ариша. Оскорбляет и меня, и Сергея. Однако я уверена, что Ольга Сергеевна меня порочить не будет. Она, как никто, честью семьи дорожит, потому в свете язык свой попридержит.

– Ну а челядь-то, матушка моя, а дворовые-те? Это ведь в нашем доме прислуга молчать приучена, ничего на сторону не вынесут, а здешние не таковы. Свекровь дома обмолвилась раз, другой, а челядинцы и пошли языками молоть. Уж как вечер меня Фёкла расспрашивала, выпытывала! Верить не хочет, что ничего худого промеж вас не было. Заладила, что в Париже без адюльтеров не бывает. Твердит: адюльтер да адюльтер... Экое слово-то, тьфу, небось, от хозяйки переняла... Чаю, любит она с прислугой из чужих домов болтать, косточки хозяевам перемывать, ну а те уж своим хозяевам передадут. Надо бы тебе, голубушка, самой с Фёклой побеседовать, заткнуть рот.

В дверь постучали, Таня поняла: Юрик. Хоть была в постели, позволила войти. В Париже вообще стало модным принимать визитёров в спальне, чуть ли не нагишом, некоторые дамы и в ванне при гостях плещутся. Так что ж ей-то, больной, перед родным человеком церемонии разводиться? Юрик – роднее некуда: деверь, одноклассник, товарищ детских игр. Ныне – морской офицер, капитан 1 ранга, Георгий Александрович Лапин.

Деверь вошёл, и Таня невольно залюбовалась им. Высок, статен, иссиня-чёрный мундир с расшитым золотом воротником и эполетами сидит на нём, как влитой. И как приятно всматриваться в его лицо, отыскивая родные, Серёжины, черты... В детстве братья не были похожи меж собой. Сергея считали копией матери, признанной красавицы, впечатлительные дамы называли белокурый ангелом. Юрик-Георгий – в отца, хорош, но по-мужски: чистой и суровой красотой воина-славянина. А с возрастом и в облике Сержа стали всё явственнее проступать отцовские черты, нежность сменялась мужественностью, и братья становились всё больше и больше похожими друг на друга.

Юрик присел на пуфик, взял за руку:

– Как ты, Тань, стрекозка наша?.. Я в церкви с утра побывал, постоял возле Сержа, пока там народу не было. Можно, с тобой посижу?

Приличия ради и Тане следовало бы побывать там, однако дорога из Парижа слишком много сил отняла. Если настроены люди злословить, всё равно осудят. Не появится вдова в церкви, так скажут, что от стыда перед покойным глаз не кажет, а если и увидят её, обессиленную, больную, к тому же выводу придут, скажут, что от раскаяния мучается. А Серёже это вряд ли нужно. За три недели, что заняла дорога, нагледелась Таня на гроб, при каждой смене лошадей подходила к той повозке, присаживалась рядом. Пыталась разговаривать с ним, да ничего не получалось. Прилюдно демонстрировать свои чувства ни к чему. Деверь догадался:

– А ты отдохни. Мама найдёт, что сказать, если будут спрашивать.

– О, в этом я не сомневаюсь! Она скажет!

Таня не смогла сдержать раздражённой усмешки, и Ариша с готовностью поведала Юрию о её причине. Слушая няньку, он брезгливо морщился:

– Прости, не знал о маминых фантазиях, впрочем, я и дома-то нечасто бываю... Сегодня же поговорю с ней и со слугами.

Помолчал, поглаживая Танину руку, и добавил:

– Не обижайся на неё, думаю, это и от горя, и от ревности. Знаешь, вспоминаю, как сам в детстве ревновал Сержа к вам с Николаем, и самому стыдно. Я любил брата, во всём старался подражать ему, часто хотелось с ним наедине что-нибудь обсудить, а он, чуть свет, садился на коня и скакал в ваше имение. Я вынужденно ехал с ним, мне тоже нравилось бывать у вас. Однако, вы, лихая троица наша, всё время что-нибудь придумывали, исчезали временами, а мы с Семёном чувствовали себя покинутыми. И как мне было обидно!.. Глупо, правда? А ведь было, увы, было...

– Неужель мы часто вас покидали? – переспросила Таня, ей самой так не казалось, она-то в детстве никогда не чувствовала себя одинокой. – Разве что когда ты болел. Но вон каким brave стал, не верится, что раньше хворал часто... – вздохнула, захотелось ободрить Юрика. – Кстати, мне вспомнилось, как мы один раз, когда ты простудился, залезли в сугроб чуть не по шею: собирались там сидеть, чтоб продрогнуть насквозь и тоже заболеть. Нам казалось: нечестно это, что ты один пластом в постели валяешься.

– Как?! И долго сидели? – изумлённо вздёрнул брови деверь.

– Кажется, да. Промёрзли сильно, однако заболеть Ариша помешала. Нашла нас, шум подняла. Мальчишек Трофим в баню сразу же загнал, а меня Ариша на печь посадила... Не помню, кому в голову идея эта пришла...

– Как это кому?! – вознегодовала нянька. – Знамо дело: тебе, милая! Кто бы ещё экую дурость выдумал: в снегу сидеть до посиненья, чтоб лихоманку подхватить. Уж как я тоды

осерчала, хотела прямо при барчатах по заднему месту барышню мою вздуть, насили удержалась... Ходишь за ней, ходишь, трясешься, чтоб никакую заразу не подхватила, а тут вижу – в сугробе сидит и вылезать не желает.

Морской офицер после реплики Ариши засмеялся, не сдерживаясь. Смех его был нервическим, скорее – просто выплеск зажатых эмоций. Так нервно дергаются губы у тех, кто долгое время не позволял себе радоваться, но вот, наконец, смех прорвался наружу, выплеснулся, а вместе с ним и часть скопившегося в душе горя. Он, согласно кивая, поддержал няньку.

– Да, Тань, такое только ты могла придумать.

И она кивнула, но смеяться не могла: печаль не отступала...

– Ну а как же? – продолжала ворчать Ариша. – Сергей Лександрыч, дай, Господи, ему Царствие Небесное, и маленьким никаких пакостей не выдумывал, а Колька, тот хоть и был завсегда проказником, так не дурак, чтобы себе самому худо делать, а стрекоза подбила, они и послушались.

– Однако почему вы мне не рассказывали? – Юрий удивился, что впервые слышит эту историю. Таня ещё не научилась вспоминать о прошлом без волнения, голос дрожал, пришлось сделать усилие:

– Серж запретил. Он считал, что мы не выполнили задуманное, нечем гордиться. Ему ведь было не всё равно, что ты подумаешь. Если б довёл дело до конца и разболелся, тогда – другое дело...

– Серж, Серж... – задумчиво покачал головой Юрий. – А если б заболел, тем более ничего б не сказал. А мне было бы приятней тогда, в детстве, знать, что вы ради меня в сугроб полезли... Хотя и сейчас приятно... Посмеялся, представляя, как вас из сугроба Ариша вытаскивает, и ощущение – как будто Сергей рядышком с нами.

Бывает так: в горе, тоске по покойному вспомнишь что-нибудь хорошее, весёлое, связанное с ним, и легче на душе становится, как будто свинцово-тяжёлая завеса, разделяющая два мира – земной и небесный, расступилась слегка, раздвинулась, и улыбнулся сквозь неё, послал на землю привет тот, ушедший, словно прошептал он: «Не печальтесь, родные, я не столь далеко, как вы думаете, я с вами, вижу вас...»

Всё же зря Ариша говорит, что хватит в прошлом копать. Где же Тане и силы-то черпать, как не в прошлом? Надо помнить. Вспоминать о счастливых годах, чтобы теперь было чем жить...

Часть I

Глава 1

Дворянские усадьбы – чем была бы Русь без них? Чем было бы наполнено пространство её огромное – леса, луга, перерезанные реками, лесостепи бескрайние? Сёла и деревеньки издавна ставились на красивых местах, чтобы душе вольготно и радостно было на окрестные места смотреть. Но сколь ни хорошо место окружающее, а сами деревни редко глаз радовали. То на избушку-хлевушку кособокую, обветшавшую, с подслеповатыми оконцами, затянутыми запylёнными бычьими пузырями, взор с ужасом наткнётся, то на плетень завалившийся. А если и крепок дом, не пугает бельмами кривых окон, всё равно картина уныла и малоприятна. Возле избы – кучи навоза, сани, телеги разобранные, колёса, дрова, в поленницы не собранные, тёс, жерди там и сям валяются, сено из копёшек ветер разносит, куры в пыли копошатся, свиньи в лужах валяются. Конечно, крестьянин русский тоже красоту чувствует, но если с весны до осени у него день-деньской работой-заботой занят, чтобы зимой голодной смертью не умереть, когда ему избу да всё, что около, облагораживать? Вот придёт зима, завалит снегом – и будет кругом красота, чистота. До новой весны...

Зато увидишь издали усадьбу помещичью и залюбуешься – вот где глазу утеха! Дома господские – как дворцы, рядом – аккуратненькие флигельки для гостей, а вокруг парки на английский или французский манер, через ручейки и овражки изящные ажурные мостики перекинута, озерца да пруды рукотворные, а над ними – скамейки одна другой краше, беседки для укромных свиданий. У помещиков побогаче вдоль аллей статуи под вид античных – аполлоны да афродиты, вазоны с цветами расставлены, фонтаны устроены. И в каждой усадьбе непременно обилие цветов: у одних клумбы яркие, запашистые, у других – целые оранжереи. Неподдалёку, обязательно на пригорочке, церковь ухоженная сверкает куполами золочёными или голубыми с золотыми или серебряными звёздами. Даже скотные дворы, коровники, конюшни у хороших помещиков красоту не портят: стены и крыши у них под стать домам господским, только что попроще, земля гравием усыпана.

Расплодилось усадьбы помещичьи на Руси после указа о вольности дворянства 1762 года, когда владельцы земли получили право жить, как сами пожелают. При Петре I обязан был дворянин служить, исполнять волю царя-батюшки до самой смерти, в то время не было нужды на родовых землях богатые хоромы возводить – не для чего, всё равно жить там некогда. Будучи на глазах у государя, не знал дворянин, чего ждать: то ль возвышения, то ль опалы, то ль завтра на войну отправят, то ль на бал-маскарад царя веселить, то ли в генералы произведут, то ли в солдаты разжалуют. Думай, как услужить, трясись непрестанно. После Петра I обязательный срок ограничивали то двадцатью годами, то пятнадцатью, и было дано право в многочисленной семье одного сына освободить от службы, чтобы он за хозяйством присматривал. А когда Пётр III дворянам вольность даровал, то и ринулись они вотчины свои обустроить. Живя в деревне, славой имя своё не покроешь, зато и в Сибирь вместе с семьёй сослан не будешь. И стали строить помещики усадьбы, стараясь превзойти один другого роскошью и фантазией. А при Екатерине, живя в деревне, умудрялись помещики и чинов кое-каких достичь: запишут новорождённого сына в полк, он к совершеннолетию уже до офицеров «дослужится», приедет потом в армию на годик-другой, да и обратно в имение с почётом как отставной поручик или даже майор возвращается.

Для праздной жизни развлечения требовались, да и о воспитании отроков и отроковиц думать приходилось. Так вслед за помещиками в их сёла потянулись музыканты, художники, актёры и учителя-гувернёры всех мастей. И театры в отдалённых уездах появлялись

стали. Жизнь в усадьбах, конечно, не бурлила, как в столицах, однако неплохой была. Многие отпрыски дворянские, по молодости уезжавшие якобы от скуки уездной, попрыгав на балах, побегав по департаментам и местам присутственным, послужив в армии, приходили к выводу, что всё это – суета сует, и были рады-радешеньки возвратиться к своим пенатам, в родовые имения.

Глава 2

Предки нынешних Целищевых обосновались на землях, что лишь в 16 веке к Московскому княжеству отошли: среди лесов, но уже близко к степи бескрайней. До этого хозяйничали здесь татары, на богатых пойменных лугах откармливали лошадей перед набегами на север. Хотя разве исконно татарскими были леса и луга эти? До появления монгольских орд и здесь русский народ жил, это была вотчина русских князей. В стародавние времена на востоке и северо-востоке отсель болгары жили, ещё далее – угры, а в этих землях – русский люд. Лишь по южным степям носились, сменяя прозвание и обличье, но не характер разбойничий, полчища кочевых народов. Долее всех господствовали над степью потомки монгольских орд. Когда Рюриковичи стали границы государства своего раздвигать, Целищевы здесь и поселились, из подмосковных, издревле им принадлежащих деревень крестьян перевезли, стали землю разрабатывать. Переселились сюда не первыми и не единственными. Первыми в этот лесостепной край между Волгой-матушкой и Доном-батюшкой переезжали малоземельные. Князья охотно раздавали право на владение землей да и денег переселенцам ссужали в надежде, что служилые люди, селившиеся здесь, станут надёжным щитом для княжества Московского. Поначалу беспокойно жилось – пахать, строиться приходилось с оглядкой: не завиднеются ли вдали бунчуки татарские. Оружие да коня под седлом земледелец всегда наготове иметь должен был. Однако освоились, распахали целину, с чернозёмов местных хорошие урожаи собирать стали.

Не единожды кочевники угрожали селеньям, но отпор получали всё более и более сильный и угомонились понемногу. В смутные годы начала 17 века тоже горели здесь села, но и эти беды канули в прошлое. Границу земель русских Романовы ещё более раздвинули, и к концу восемнадцатого века оказалось, что не на окраине Руси Целищевы живут, а чуть ли не в середине её. Когда с запада полчища двенадцати языков Наполеон на Русь привёл, в сей край ни один его отряд не добрёл, в 19 веке уже не страдали ни усадьбы, ни поля местные от вражьего нашествия.

Отставной генерал-лейтенант Целищев был помещиком средней руки, и усадьба у него была не самой роскошной, но и не самой скромненькой. Барский дом был каменным, двухэтажным, а третьим этажом над крышей возвышалась модная круглая башенка с окнами во все стороны, завершавшаяся остроконечным навершием – под вид шпиля Петропавловского собора в Петербурге.

Дом стоял на высоком месте, на берегу Аргунки; свои деревни и почти все поля и луга хозяин усадьбы из сей башенки видел. Дубрава перед домом была расчищена, аллеи проложены, через ручей Гремячий не в одном месте мостики перекинуты. К усадьбе от проезжей дороги вела аллея из серебристых тополей: широченная, чтоб две тройки спокойно разъехаться могли. Статуй и фонтанов в усадьбе не было, а в остальном – всё, как положено. А девятью верстами выше по течению Аргунки в доме примерно такого ж фасона проживала помещица Глафира Ивановна Лапина, родственница Целищевых.

Эти усадьбы, а не столичные дома, были для Татьяны и Сергея любимыми, и где б ни путешествовали они, эти места снились им, к этим усадьбам возвращала их память.

Глава 3

Сергей и Георгий росли в имении под присмотром бабушки Глафиры Ивановны, а их мать, Ольга Сергеевна, всем прочим местам предпочитала Петербург. Там родилась, там выросла. Детей отправила в деревню, а сама северную столицу неохотно покидала. Лапины не принадлежали к сливкам общества, но были рядышком, в отражении блеска самых-самых. Ольга Сергеевна прикладывала немало усилий, чтобы войти в круг придворных, но не удавалось. Муж её, Александр Петрович, служил там, куда посылали, в штат придворных даже и не рвался. По молодости Лапина была чудо как хороша, многие говорили, что она похожа на императрицу Елизавету, супругу Александра I. Только муж не соглашался, уверял жену:

– Оленька, они не правы. Ты гораздо красивее императрицы, поверь мне.

Лапин не настаивал, чтобы жена покидала столицу. Да и куда бы она за ним следовала? На начало века пришлось много войн. Лапину где только не довелось побывать: и в Австрии, и в Пруссии, и в Швеции, и в Турции, и в Бельгии, и во Франции. Можно ль было требовать от жены-красавицы, чтобы она с мужем претерпевала все тяготы походные? Нет, не желал этого любящий супруг. Соглашался и с тем, чтобы сыновья на попечении его матери росли. В деревне всё ж детям вольготней, и воздух здоровее.

И Глафира Ивановна не обижалась на невестку, радовалась, что два озорных внука при ней живут, старость её скрашивают. Когда Лапин из заграничного похода из Франции вернулся и в Петербурге служить стал, у них ещё детки рождались, но выжила только Ангелина 1817 года, её в деревню не отправили, сего ангелочка Ольга Сергеевна сама холила и лелеяла.

А Танюшу Телятьеву воспитывали дед и бабка Целищевы, познавшие много горя, потому не имевшие ни сил, ни желания держать внучат в строгости. Было у них пятеро детей. Однако одна память о больших надеждах, что возлагались на деток, осталась, ничего почти не сбылось. Трое сыновей, не успевших жениться, головы сложили в Отечественную войну. А до этого много слёз было пролито из-за исчезновения шестнадцатилетней дочери, которая через шесть лет вернулась с двумя цыганятами на руках. Потом пришло известие, что в Петербурге умер зять, следом на тот свет ушла старшая дочь, что после смерти мужа места не находила, виня себя, что не поехала в столицу и не была рядом с ним, когда он разболелся.

Так и остался Целищев Павел Анисимович почти у разбитого корыта. Выходило, что с его смертью пресечётся древний дворянский род. Вместо кучи внучат возле него были лишь Антон и Таня Телятьевы – дети Анны, да от Анастасии цыганята Николай и Семён. Отставной генерал упросил отца их, цыгана Кхамоло (в крещении Константина), чтобы хоть один из сыновей носил фамилию матери – вдруг да тому удастся дворянства достичь и возродить фамилию. Кхамоло, посоветовавшись со старейшинами, согласился. Потому старший Николай был Целищевым, а Семён – Ворончагирэ. Понимал дед, что непростую задачу перед внуком поставил: чтобы не просто разночинец, а сын цыгана был аноблирован¹, это надо очень постараться. Но всё ж надеялся.

В свете считали, что Анастасия опорочила не только себя, но и весь род. Юная дворянка, исчезнувшая из дома – уже бесчестье, но лучше бы она и не возвращалась домой, чтобы не открывать всю глубину позора. Если б девица сбежала из дома с гусаром или уланом, да хоть бы и с армейским прапорщиком-пехотинцем, об этом, конечно, не забыли бы, однако простили б. Но вернуться домой с цыганятами на руках! – такого даже провинциальное общество, не столь и чванливое по сравнению со столичным, никак не могло одобрить! Старикам Целищевым сочувствовали, в гости их, тем более самого генерала, приглашали, а к ним заезжали разве

---

¹ Аноблирование (франц. "anoblir", "облагородить", от "noble", "благородный") – облагораживание, усовершенствование. Аноблировать – в применении к обществу означало произвести в дворянство.

что по делам, по большой надобности. И речи не могло быть, чтобы отпускать к ним дочерей. Впрочем, громко злословить мало кто решался – всё ж Целищев генерал, да к тому ж с цыганами девица связалась, а вдруг порчу напустят в отместку за недобрые слова?

Анастасия, объявившись, не сразу осталась жить у родителей. Она вернулась в родные края вместе с табором через шесть лет, зашла в первый раз к родителям с чёрного хода, сказала, что лишь привела показать детей, да к мужу вернулась. Было это летом четырнадцатого года. Генерал только лишь в отставку вышел. Он в Отечественную войну ополчением командовал, а после того, как армия границу России перешла, ополчение было расформировано. Вернулся домой, зная, что сыновей уже нет в живых. Двое при Бородине пали, третий в октябре тринадцатого года, в битве народов под Лейпцигом.

Глава 4

Таня не помнила, когда тётя с детьми появилась в её жизни, зато Николай помнил, рассказывал. Для него, росшего в таборе, тот день слишком необыкновенным был, заставлял удивляться чуть не на каждом шагу, потому помнил он всё в подробностях. Мать с утра заставила его искупаться, Семёна вымыла, одела их в самое лучшее, что у них было, и повела в сторону стоявшего на горе за дубравой барского дома. Чем ближе подходили, тем больше волновалась мать, возле реки в виду большой усадьбы присела на скамейку, заплакала. Может, и не хватило бы у неё смелости в родительский дом зайти, но бабы, что в реке бельё полоскали, перекликиваясь весело, увидели их, подошли полюбопытствовать. Одна из них, узнав мать, хоть и была та одета по-цыгански, ахнула:

– Анастасия Павловна, Вы ль это, голубушка наша?!

И на колени перед ней бухнулась. Николай был изумлен: ни разу никто на его глазах перед мамой на колени не вставал. Кто-то из девок побежал в гору с криком:

– Барышня нашлась! Настасья Павловна объявилась!

Одна баба Сеньку толстяка забрала, другая взяла Николая за руку, матери помогли подняться, подталкивая, повели к дому. Говорили что-то, плакали. Перед домом какая-то баба предложила:

– Настасья Павловна, может, Вы пока деток-то с нами оставите, а сами в дом ступайте.

Николая это напугало.

– Нет уж, со мной пойдут, иль и мне ходить незачем, – ответила мать.

Так и зашли в дом в сопровождении баб да девок. Там уже ждали. Николай не мог сказать точно, понравились ли ему с первого раза эти люди. Высокая худошавая женщина в тёмном платье – тогда он ещё не знал, что это бабушка – показалась ему чересчур суровой, но когда мать на колени перед ней упала, подняла её, обняла и тоже заплакала, то есть не такой уж строгой была. И высокий сухопарый мужчина в военном мундире сначала грозным показался, а потом тоже плакать стал. А на тётю глянув, мальчик удивился, как сильно она на маму похожа.

Коле пятый год шёл, однако смог почувствовать, что маме здесь рады, а ему и Сене – нет. Их усадили на скамью возле окна, не позволяли слезать, бабы шептали: «Тихонько ведите себя, не балуйте!» Смотрели взрослые на них как будто осуждающе. Коля даже подумал, что выпачкался по дороге, потому на него строго смотрят. Оглядел штаны и рубашку, не заметил ничего...

Вдруг влетела маленькая девочка одного роста с Семёном: в коротком беленьком платьишке, с пушистыми-пушистыми волосиками – не светлыми и не тёмными, большеглазая, с улыбкой до ушей. Остановилась посередине комнаты, посмотрела внимательно на детей, засмеялась громко и кинулась к ним. Схватила за руку Сенью, стянула со стула, и – давай обнимать его. Какая-то молодка девочку эту, Танюшу, подхватила на руки, унесла, и Николаю стало обидно, что она и его не успела обнять. Но через некоторое время девочка появилась из другой двери: на четвереньках шустро проползла под ногами у торчащих там баб и снова была рядом. Причём приволокла деревянного коня на колёсиках и сунула верёвку в руки Сеньке:

– На! Играй!

У того от восторга глаза на лоб полезли. А малышка посмотрела на Николая, повертела головой кокетливо, похихикала и спросила:

– Ты кто? Мой друг, правда?

Строгие взрослые тоже заулыбались сквозь слёзы, глядя на них. Таня взяла за одну руку Николая, за другую – Семёна и повела за собой. И уже никто не мешал ей. В помещении, куда привела их Таня, было много игрушек – деревянных, тряпичных, железных, фарфоровых; и на полу, и на скамьях, и на столе, и на подоконниках. Сеня оставил коня, стал неторопливо рас-

смаатривать игрушки, одну за другой. Коля сначала заинтересовался выструганным из дерева мужичком с топором в руках. Его позабавило: если дергать за одну палочку, то мужичок двигался, как будто колот поставленное перед ним полено. Потом появился высокий (на взгляд четырёхлетнего) мальчик Антон. Таня вытребовала, чтобы он достал из шкафа коробку с солдатиками. Тот был недоволен, но повинился, и Коля решил, что девочка тут главная. А когда мальчик стал важно доставать из коробки одного за другим оловянных солдатиков, Коля обо всём забыл. В таборе у них кое-какие игрушки бывали, но простенькие, а то, что он увидел здесь, воистину было чудом! Пешие солдатикки его не особо заинтересовали, зато кавалеристы в восторг привели. Кони со всадниками – совсем как настоящие, только маленькие, твёрдые. Коля вертел в руках, разглядывал одного, другого, налюбоваться не мог. Уж до чего похоже кони сделаны были: и морды, и уши, и копыта, и все в разных позах: один конь спокойно стоит, другой бежит как будто, третий только ногу поднял. Одного всадника Коля засунул в карман – а как удержаться было? Но девочка прикрикнула строго: «Нельзя так! Тоша обидится и всё заберет!» Спорить с ней Коля не мог, вернул.

Сколько времени просидел Николай, словно зачарованный, над солдатиками, не помнил. Но вот пришли взрослые. Бабушка слёзы утирала, дед молчал, угрюмо наблюдая за детьми, мать и тётя уселись возле окна и заговорили меж собой какими-то непонятными словами. Слова, которые в таборе произносятся, Коля знал, те, что на базарах от нецыган слышал – тоже. А о чём говорят мама и тётя, понять не мог. Решил: раз тётя с мамой так сильно похожи, то им без разницы, какую ерунду произносить – всё равно поймут друг друга. Потом детей кормили чем-то. Чем и как, Коля не помнил, потому что думал только о солдатиках, оставленных в другой комнате. Потом мать сказала, что пора уходить. Их провожали и дед, и бабушка, но они лишь на крыльцо вышли, а тётя с маленькой Таней шла с ними с полдороги. И говорили они меж собой, говорили, и всё непонятно. Дети получили в подарок какие-то игрушки, Коля не помнил, какие – не солдатиков!

В таборе заявил, что Таня ему так понравилась, что он на ней обязательно женится. Мама испугалась и стала переубеждать: сказала, что Таня и так родная, она сестра ему, а на сёстрах нельзя жениться. Да и зачем? Муж с женой разругаться могут и разойтись, а брат и сестра – это навсегда, это крепче. Даже если и поругаются меж собой, то ненадолго, потому что всё равно останутся родными. И строго-настрога наказала больше не говорить таких глупостей, а то ему с Таней не позволят играть.

В то лето дети часто встречались. А когда табор с места двинулся, на прощанье Антон подарил ему двух солдатиков – музыканта на коне, поднёсшего трубу к губам, и улана с пикой. И всю следующую зиму Коля мечтал о новой встрече с егозой Таней. Ему часто снились солдатикки и она – хохочущая, кокетливо вопрошающая «Ты мой друг, правда?»

Глава 5

Анастасия исчезновение своё объяснила тем, что память потеряла: шла-шла куда-то по дороге, не зная, зачем. Нагнали её цыгане, расспрашивать стали, а поскольку не могла девица вспомнить, кто такая и откуда, взяли к себе. Только после рождения второго сына, Сенечки, память вернулась. Целищевым можно было бы и далее делать перед обществом вид, что дочь не нашлась, но отец, проведя бессонную ночь, на следующий день сам поехал в табор. Поговорил со старшими, познакомился с тем, кто стал ему зятем. И понравился ему молодой цыган! Почтительным тот оказался, говорил уважительно, при этом тесть отметил у него волевой взгляд, как у людей, обладающих властью. В таборе тот не последнее место занимал, и по всему видать, богатым был: оружие на нём самом и сбруя на лошади золотом да серебром сверкали.

– Эх, ежели бы он дворянином был, иль хотя бы купцом, а не цыганом, то лучшего для дочери я бы и не желал! – сокрушался Павел Анисимович. – Ведь ты подумай, вон у Стюры зять горьким пьяницей оказался, а у Селезневых – картёжник, все приданое жены спустил, и говорят, жену поколачивает. Наш-то, похоже, надёжней. Как несправедливо, что он – цыган!

Он даже предложил зятю в доме его жить, сказал, раз сыновей у него забрал Господь, готов принять его, отца своих внуков. Общество, мол, поначалу возмущено будет, но привыкнут, и тот хорошим поведением сможет со временем уважение завоевать. Кхамоло отказался и отказался категорично, усмехнувшись презрительно, как будто ему вместо заслуженной груды золота медный грошик к ногам бросили. Целищев не стал настаивать. Долго рассуждали они, как дальше жить, поскольку старый отец желал видеться с дочерью, с внуками (хоть и цыганята, а – родная кровь!), а цыган не хотел жену терять. А сама Анастасия Павловна стала равнодушна к своей судьбе: жизнь в чуждом для неё мире сделала её безвольной. Она в таборе была чужой по крови, но знала, что и общество дворянское уже отторгло её, там для всех она, как прокажённая. В то лето табор долго стоял возле их имения, а на зиму пошёл в Малороссию, вместе с ним ушла и Анастасия с детьми. Кхамоло пообещал вернуться следующей весной. Чтобы выполнил он обещание, Павел Анисимович сказал, что большой луг на берегу Аргунки, за дубравой, будет отныне за Анастасией числиться, и что могут цыгане приходить и располагаться на нём в любое время. Весной цыгане пришли, снова лето провели цыганята вместе с Телятьевыми, а на зиму ушли туда, где теплее. Когда умерла Анна, Анастасия больше не стала родителей покидать. Зимой с сыновьями в имении проводила, а весной, когда появлялся табор, уходила к мужу. Потом и Кхамоло далеко уходить перестал, кое-кто из их табора к оседлой жизни перешёл, в городах неподалёку приют нашли.

Так Николай и Семён стали жить в одном доме с Татьяной. Сергея и Георгия Лапиных сюда часто привозила их бабушка, Глафира Ивановна, которая Прасковье Евдокимовне приходилась двоюродной сестрой. Поскольку мальчики крепко сдружились, то когда к Сергею были посланы учителя из Петербурга, тот настоял, чтобы Николай (иль КалО – таким именем того звали в таборе) учился вместе с ним. После те же учителя занимались с Юриком, Сеней и Таней.

Глава 6

То ль Серж, то ль Кало первым назвал Танюшу стрекозой, не помнили, но она и впрямь была похожа на стрекозу – шустрая, юркая, как стрекозка, и к тому же худенькая, с огромными глазищами в пол-лица не совсем понятного цвета. В лесу глаза её бывали ярко-зелёными, как листья липы с капельками росы, на берегу реки синели, а когда на небо засматривалась, в их бирюзе поблёскивали золотые искорки. Чем не стрекоза?

Сержа, Таню и Кало родня прозвала лихой тройцей, очень они озорничать любили, шумными, опасными играми увлекались. Юрик, что был младше Танюши всего на полгода, тоже рад был принимать участие во всех их затеях, но частенько болел, и виной тому опять же была их «лихая тройца». Как-то раз зимой Таня придумала повторить Суворовский переход через Альпы, в «армию» набрали ребятшек крестьянских. Гор поблизости не было, зато по лесу проходил очень глубокий овраг, который дети сочли вполне подходящим. Для перехода выбрали самый высокий и отвесный склон. Почти все дети, покувыркавшись, побарахтавшись в глубоких сугробах, «взяли приступом», выбрались на другую сторону, а Юрик застрял – его нога попала под упавшее дерево, не заметное в снегу, и просидеть в западне пришлось долго. Пока его хватились, пока вытащили и домой доставили, он успел промёрзнуть насквозь, и как потом ни оттирали, ни отпаивали, он всё равно расхворался. Бабушка строго отчитала Сергея и Татьяну, потребовала, чтобы они больше не таскали за собой ребёнка. «Вы, фронтеры-понтеры, творите что хотите, вам, вижу, ничего не делается, но уж Юрика мучить не позволю».

Семёна сия тройца брала не всегда и не везде, так как ему самому военные игры не нравились. Он рос неповоротливым увальнем, мечтательным, добродушным, больше всего желал научиться играть на скрипке лучше всех. Как-то летом взяли его с собой в игру, из одного «штаба» отправили с донесением в другой, потом сами пошли туда, но Сени не обнаружили. Значит, связной не дошёл. В плен, что ль, к кому попал? Отправились на поиски и обнаружили мальчишку возле поваленной ветром сосны. Ствол её расщепился и обломался неровно: острые щепы, лучины разной длины и толщины торчали из высокого пня. Сеня проводил пальцем по ним и дёргал за самые высокие и тонкие лучины и резко отпускал, а они отзывались разными голосами: «Тре-ень!» «Ди-и-инь». И слушал, как заворожённый. Когда Николай грозно окликнул его, обернулся со счастливым видом: «Кало! Послушай, как эта сосна звенит! Из неё бы, пожалуй, надо скрипок наделать! Как жаль, что я не умею!» Семён, найдя поющее дерево, был так очарован, что обо всём позабыл и не сразу понял, за что его старший брат отругать хочет. Ну как такого в военные игры брать, если он с ролью связного не смог справиться!

Антон был старше Тани на семь лет, стеснялся ребячиться вместе с малышнёй. Хотя с Николаем и Сергеем он всё ж успел поиграть. Когда его просили помочь со строительством редута, рavelина или какого другого укрепления, он не отказывался: сначала у деда выспрашивал, как всё должно выглядеть, чертежи составлял, потом руководил младшими. Иногда и сам увлекался так, что втягивался в игру. Бывало, взрослые пошлют его за малышнёй, а он, видя, что «бой» в самом разгаре, изображал из себя парламентаря, просившего о мире, или адъютанта главнокомандующего, который передавал приказ о передислокации. А когда Антону пошёл двенадцатый год, его отправили в Петербург, в кадетский корпус. И старший брат исчез из жизни Тани надолго.

Глава 7

В лапинском доме на верхнем его этаже жила, скрытая от всех, младшая сестра Глафиры Ивановны, Софья. Её жених умер накануне свадьбы, и девушка с горя заговариваться стала. С ней бывало всяко: случались и помрачнения рассудка, бывали и светлые дни, но с обществом видеться она более не хотела. Родные спрятали её от людей. Всем было объявлено, что девица в монастырь увезена, и только самые близкие да немногие верные слуги знали, что монастырём для неё стал дом старшей сестры. Случалось с Софьей иногда, что она, как бы в беспмятство впад, пророчествовать начинала: говорила, как в воду глядела. Раз, когда ещё молодая Прасковья Евдокимовна была у неё и, наверное, слишком жалостливо смотрела на затворницу, сказала:

– Ты, Прасковья, над моей-то судьбой не плачь. Береги слёзы, тебе они самой понадобятся. Проживёшь долго да только и будешь знать, что хоронить одного за другим.

Когда пропала Анастасия, Павел Анисимович приказал крестьянам реку и лес прочёсывать, а Прасковья кинулась к Лапиным, к Софье. Та, уйдя в себя, посидев с закрытыми глазами, пошептав что-то, сказала:

– Жива она, не ищите по рекам-то. Цыгане её свели.

Прасковья Евдокимовна послала сыновей с помощниками табору вдогонку, да цыгане умели прятать украденное. Сколько ни догоняли кибиток, телег цыганских, а всё были не те, другие...

Сергей уже большеньким был, когда Глафира Ивановна осмелилась его сестре показать, и он запомнил эту странную женщину: похожа на бабушку, но очень грустная. Она разглядывала его долго, мальчик ёжился под пристальным взглядом, но при нём Софья Ивановна сказала только:

– Пригоженький мальчонка, ишь как на мать-то свою похож.

Мать Сергея приезжала в имение только раз и даже не подозревала о существовании тётки, но та с верхнего этажа, из своей кельи, наблюдала за ней, оценила красоту невестки.

Сергей потом тайком от бабушки иногда забирался наверх и подсматривал в щёлочку за чудной затворницей: то она, растрёпанная по комнате с причитаниями ходила, громко ругаясь, хотя рядом никого не было, то потом он видел её причёсанной, одетой аккуратно, сидящей тихонько у окна. Один раз, когда Софья была такой задумчивой, пригорюнясь, вдаль глядела, осмелился зайти в комнату, остановился смущённый и любопытствующий перед нею. Она подозвала его к себе, снова внимательно разглядывала, добрыми были её глаза, добрыми и печальными. Сказала:

– Каким ты пригожим растёшь! А ведь и у меня такой же внучок мог бы быть, да вот не позволил мне Господь замуж выйти, не дал счастья. – К окну отвернулась, повздыхала о чем-то, спросила Сергея. – Глафира говорит, тебя женихом внучки Прасковьиной считают, Татьяны? Сам-то как, душа твоя не против, чтоб её невестой звать?

Серёжа ответил уверенно:

– Не против. Она хорошая, весёлая, я люблю с ней играть.

– И красивая?

– Красивая! – уверенно ответил мальчик. – Стрекозка гораздо лучше других девочек. Не боится ничего, не ноет.

– Стрекозка, говоришь? – улыбнулась женщина. – Послушай, Серёжа, что я скажу. Ты не бросай её, когда большим будешь, только на ней женись, ни на ком другом. А то заболит твоя стрекозка с горя, если ты её оставишь, страшней, чем я, сделается. Ты ведь подглядывал в щёлочку-то, видел, когда мне худо было, сколь я страшная бываю?

– Видел, – признался мальчик. – Это потому, что Ваш жених на какой-то другой девочке женился, да?

– Нет, милый, он бы не женился на другой. У меня жениха Господь забрал.

– Как забрал?

– К себе взял. Видать, Господу он понадобился. Умер мой жених. А ты не бойся, ты подольше поживёшь. Только не бросай Таню, она тебе помощницей доброй будет.

– Хорошо, не брошу, – согласился мальчик.

Их и вправду бабушки и дедушка в шутку называли женихом и невестой. Сергей ничего против не имел, но частенько, споря с Таней из-за каких-нибудь пустяков, говорил: «Не женюсь на тебе, если ты такая. Если будешь слушаться, тогда только женюсь!» После разговора с затворницей Софьей больше себе подобных слов не позволял.

А Софья Ивановна вдруг странные вещи творить начала. Возьмёт какую-нибудь вещь да бросит вверх, над собой, и ждёт, когда она ей на голову упадёт: то чашку, то ложку, то платок, то что и потяжелее. Бросит вверх чашку и наблюдает, куда она полетит. Иль в окно высунется, да тоже вверх что попало бросает. Упадёт чашка ей же на голову иль рядом да разобьётся, она как будто удивляется: всё думает о чём-то, думает. Посуду у неё оставлять не стали, как поела, сразу же уносили, также вынесли из комнаты всё, что она поднять могла. Больше месяца такое продолжалось, и всё время Софья молча размышляла о чём-то, ничего ни сестре, ни служанке не объясняя. Потом, видно, к какой-то важной для неё мысли пришла и велела сестру позвать. Попросила Глафиру Ивановну в монастырь её отвезти, сказала, что пора ей грехи замаливать.

– Да какие у тебя грехи, Софьюшка? Когда ты согрешить-то успела, разве чашки разбитые грехом считаешь? – всплеснула руками сестра.

– Нет, Глашенька. Ты пойми: я ведь все эти годы только о том и думала, какой Господь злой да нехороший, ни за что меня наказал, жениха милого отняв, не дав замужем-то ни денёчка побыть. Если б я дитё завести успела, хоть какая-то радость в жизни у меня была. А я радость получала, только кулачком своим слабеньким Господу грозя, словом нехорошим о Нём отзываясь. Изошрялась, проклятья выдумывая. А что выходило-то? Вот брошу я чашку вверх, а она, как ни старайся, до неба не долетает, плюну я вверх, всё вниз падает. Вспомнила я поговорку, что против ветра не плюют, вот и испытывала. Видно, и с проклятьями моими то же происходило – как ни старалась, не к Нему они шли, а обратно, на мою ж голову. Или на тебя, поскольку ты со мной рядышком. В этом и есть мой главный грех. Гордыня это. Думаю, не из-за меня ли ты и мужа, и сына, и доченьку схоронила? Может, я смерть-то к ним приманила, а? Каяться мне надо в своих грехах, горько каяться... Виновата я перед тобой! Хорошо, хоть Саша у тебя остался, и детки у него растут. Боюсь, как бы и на них беду не накликают. Так что отвези меня в монастырь, Глашенька, буду отмаливать грехи свои. Может, успею до смерти прощение заслужить да хоть внукам твоим счастливую долю выпросить. Виновата я, ой, виновата...

Поплакали женщины, вспоминая все беды, что на них обрушивались, да и отвезла Глафира сестру в монастырь. Там Софья, наконец, покой обрела, перестала метаться, сказала, что душа её больше не мучается, что давно надо было сюда переехать, да сама не понимала, не ведала, где радость находится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.